

В. Ю. ЛЕБЕДЕВ, А. В. ФЕДОРОВ

*КУЛЬТУРА НЬЮ ЭЙДЖ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ*

Элементы мифологического сознания всегда были присущи культуре, но количество этих элементов и объем их влияния на ту или иную культурную систему различны. Одной из групп факторов, определяющих степени влияния мифологического сознания и мифологического мышления, выступают внутрикультурные процессы. Иначе говоря, нарастание «мифологичности» в культурной системе, переход к иррациональному и алогичному поведению свидетельствует об известном уровне культурной напряженности. Данные явления нуждаются не только в теоретическом осмыслении, но могут (и должны) быть сигналом к определенным практическим действиям. Так, широко описанные в литературе психические эпидемии порой требуют своевременной радикальной помощи¹.

Опору на рациональность (в противовес мифологической иррациональности) разделяют традиционная наука и теистические религии; привычные штампы о неизбежном противопоставлении любой религии и науки следует считать устаревшими. Несмотря на то, что миф не лишен своей внутренней логики и своей рациональности, общая его направленность сильно расходится с классической рациональностью, которая присуща не только науке и научной методологии, но и теистическим религиям, располагающим развитой богословской традицией и культурой богословской рациональности (в противном случае всю традицию апологетики, целиком построенной на жесткой

¹ См.: Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 2001.

логике, следовало бы отменить). Религиозная традиция не отменяет бремени рациональности, в том числе — и бремени демифологизации, которое совершенно необходимо любому верующему, дабы отличать религиозность от легковерия в рамках очередного мифа. Мифология, подчас мимикрирующая под псевдорелигиозность или под псевдонаучность и тем самым расширяющая зону своей экспансии, размывает границы между наукой, религией и мифологией, стирая диспозиции между этими концептами.

Чем вызван тот неомифологический ренессанс, со следами которого религиоведу приходится ныне сталкиваться едва ли не ежедневно? Во-первых, это результат ослабления или даже прямого разрыва религиозной традиции, упадка не только академического богословия, но и просто обычной катехитической грамотности. Так реализованная программа секуляризации породила не безрелигиозность, а суррогатный вариант религиозного праксиса. Кроме того, есть и менее ординарная причина, связанная с популяризацией культурологических знаний, в том числе и в виде курсов культурологии, читаемых не всегда достаточно глубоко и серьезно. Своеобразный «бытовой уровень» так понятой культурологии укрепляет вульгарный мультикультурализм, при поверхностных знаниях, соединенных со стремлением к масштабным обобщениям. Отсюда идеи разного рода «культурных синтезов», каковые должны стать базой объединения религий (вопрос о том, насколько религия детерминирована культурой — а хотя бы не наоборот — обычно вообще не осознается). «Синтез культур» — одна из центральных идеологем движения Нью Эйдж, а ссылки на культурологию и «культурологический подход» призваны дать этой идеологеме «научную» санкцию. Неомифологизм, таким образом, хорошо подпитывается обычной полуграмотностью. В результате даже христианские теологемы, подвергаясь произвольным интерпретациям, могут превращаться в строительный материал для новой мифологии. А. М. Прилуцкий отмечает: «В условиях, когда религиозному образованию не уделяется должное внимание, в сознании верующих происходит интерпретация теологических постулатов в пространстве мифологическом, своеобразная «мифологизация теологии», зачастую

рождающая курьезы»². Ниже мы постараемся показать, что помимо такой «мифологизации теологии» наблюдается еще и «мифологизация науки», рациональности научного типа, причем эти процессы не только протекают параллельно, но и конвергируют, порождая деградацию как теологии, так и классической науки с возникновением мифомагического комплекса как их заменителя.

Возрождение (некоторые авторы говорят о неомифологическом ренессансе) мифологизма в культуре XX – начала XXI вв. обусловлено рядом причин, о которых уже неоднократно писалось в литературе. Прежде, чем переходить к анализу причин тотального мифологизма в культуре XX в., отметим основные черты классического мифа, дабы оттенить принципиальную мысль: неомифология, включая и псевдовосточную, являет оригинальность в плане внешних форм, семиотического оформления, но никак не сущностно³. Во-первых, это партиципация (Л. Леви-Брюль): каждый объект или действие мифа сопричастно с другими действиями или объектами. Производство определенных манипуляций с определенным объектом, имеющимся в наличии у того или иного субъекта, должно при помощи «контагиозной магии» вызвать сходные изменения желаемого объекта. Примером могут служить получившие широкое хождение ритуалы «наведения порчи» с использованием восковых фигурок вуду, которые лепят, произнося определенные заклинания, после чего прокалывают булавками либо растапливают на огне. Во-вторых, взаимное всеобщее отражение («бриколаж» в терминологии К. Леви-Стросса), связанное, в том числе, и с особенностями примитивной (досинтаксической) структуры предложения, где нет разделения на объект, субъект и предикат. В таких досинтаксических структурах нет разграничения иллюзии и реальности, начала и конца предложения, правды и лжи. Связь в предложении осуществляется по кумулятивному принципу, концепты «наннизируются» один на другой (ср. с постмодернистским принципом «ризомы»).

² Прилуцкий А. М. Семиотика религии. СПб., 2007. С. 100.

³ Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века / 3-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 89.

ВЫПУСК III

По словам В. П. Руднева, неомифологизм следует рассматривать как «одно из главных направлений культурной ментальности XX в., начиная от символизма и кончая постмодернизмом»; причинами же этого автор называет не только актуализацию интереса к изучению классического и архаического мифов, но и активное использование сюжетов мифа в культуре⁴.

Наиболее же активно мифология стала проникать в традиционную культуру с развитием философии постмодерна, пропагандирующего отказ от рациональности. Используемая в постмодерне методология, отметающая догмат рациональности и признающая иррациональные практики как равноценные; отказ от понятия «истины» и активное использование концепции «языковой игры» в духе позднего Л. Витгенштейна; постмодернистское понятие текста и активное цитирование; превращение научной методологии в «игру в бисер» — все это, по словам С. Корнева, определяет постмодерн как фазу «старения и умирания культуры, ... переход от живой «культуры» к мертвой «цивилизации»⁵. Духовно, как живой организм, культура уже погибла, но физически, как механизм, по инерции еще продолжает существовать, и даже сохраняет видимость процветания, поскольку ее социальные, экономические, политические институты все еще функционируют, и именно на этой стадии окупают усилия, которые когда-то были вложены в их создание».

Такая ситуация определила активное проникновение в европейскую культуру восточной мифологии и эзотерики. Порождаемая этим ситуация культурного синкретизма — один из признаков возврата к архаике, когда нет разницы между наукой, религией и мифологией.

При этом в ортодоксальной религии, как и в науке, критерии заданы достаточно жестко: «отождествление Бога и мира, духа и природы способно приводить человека к полной нравственной деградации»⁶, поскольку Бог не равен человеку, Бог

⁴ Руднев В. П. Энциклопедический словарь... С. 89.

⁵ Корнев С. Трансгрессивная революция [Электронный ресурс] // Humanitarius, URL: <http://humanitarius.com/static/kornev-022.html> (дата обращения 26.08.2014).

⁶ Кураев А. В. Сатанизм для интеллигенции: О Рерихах и Православии: В 2 т. Т. 1: Религия без бога. М., 2006. С. 118.

не равен природе, человек не равен Богу. Формирование синкретической религиозности на уровне пантеизма есть особенность архаических верований. В науке же проблема критериев демаркации до сих пор дискуссионна и является одной из центральных; вместе с тем в отношении супранатурализма (включение в научную картину сверхъестественных сущностей и внефизических миров) у большинства ученых и философов науки достигнут консенсус: включение в ту или иную концепцию сверхъестественных сущностей, равно как и апелляции к «здоровому смыслу» и «авторитетному мнению» автоматически относят концепцию к разряду псевдонаучных.

Исследуемый нами феномен «Нью Эйдж», религия «нового века» — общее название мистико-синкретических учений, достигших максимального расцвета в 70-е гг. XX в. Более широко к движению «Нью Эйдж» следует отнести любое течение оккультного и эзотерического характера, оперирующее концептами «Новая эра», «Эра Водолея», «Новый век». Эти движения продолжают активно развиваться до сих пор, используя в качестве фундамента достаточно разнообразные взгляды — от оккультных учений Г. Гурджиева, Е. Блаватской, Рерихов до псевдовосточных религиозных практик (морфема «псевдо-» принципиально важна, поскольку перенос материала ряда восточных религий, особенно Индии, на культурную почву, сформированную христианством, столь же результативен, сколь и неоязыческие проекты сегодняшнего дня; переносятся именно упрощенные стилизованные формы, одобренные восточной романтикой как проверенным средством привлечения обывателя). Все сторонники движения Нью Эйдж едины во мнении, что вскоре (датировки указываются разные — от конца XX в. до XXII в. и даже более расплывчато — «в обозримом будущем») наступит более совершенная эпоха (*New Age*), начало которой ознаменуется гигантским скачком человечества в духовном, технологическом, ментальном и других аспектах. Ряд исследователей рассматривают некоторые группы данного направления как чисто деструктивные культы⁷. Привлекательность

⁷ Беспаленко П. Н. Политико-идеологические и социокультурные основания типологии нетрадиционных религий // Известия ТулГУ: Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 3–13.

ВЫПУСК III

указанного движения в массах обывателей объясняется еще и тем, что Нью Эйдж не разграничивает сферы сакрального и мирского, а соответственно, не требует серьезной жертвы, выбора, необходимости отказываться от одного ради другого. У мифомагических практик высок тотализирующий потенциал — благодаря магизму, эффективному в любой сфере жизни, возникает магическая всеохватность. Любую область жизни, включая быт и повседневность, можно «подправить» и «оптимизировать» магическими мерами. Магии почти не присуща избирательность, что весьма удобно для обывателя, магия в результате обслуживает любые нужды, не стесняя человека в выборе. В результате отпадает необходимость в выборе, а магия легитимизирует все, что угодно.

С конца XIX в. сложилось достаточно большое количество оккультных течений: широкое распространение спиритизма, астрологии, теософии (Е. Блаватская) создало мощную базу для дальнейших спекуляций на темы оккультизма и эзотерики. Попытки как-то обосновать оккультные взгляды в этот период породили своего рода псевдобогословие. В настоящее время эта псевдотеология в значительной мере ушла на задний план, примитивное потребительское общество отторгает даже такую форму интеллектуализма, дискурсивного обоснования неких более-менее систематизированных взглядов. Ныне и такая дискурсия воспринимается как совершенно излишняя. Возникший в XX в. культурный и духовный кризис создал культурную лагуну, заполнившуюся оккультизмом и эзотерикой. Широкое проникновение псевдовосточных культов также способствовало формированию Нью Эйдж как суррогатной замены традиционных ценностей, утративших свое былое значение. Широкое распространение неоязычества, утрата доверия к институту церкви, кризис образования и, как следствие этого, стремление уйти от «сложных» научных построений к более «простым» эзотерическим; общеевропейский кризис рациональности, активное использование мифологических концептов в науке — все это привело к необычайной популярности движения Нью Эйдж.

Сам термин «Нью Эйдж» был предложен Алисой Бейли, одной из учениц Е. Блаватской, и означал, в ее понимании,

«эпохальный скачок» в развитии человечества. С мировоззренческих позиций Нью Эйдж представляет собой синкретизм традиционного восточного холистического взгляда на мир как целое, где все со всем взаимодействует, но управляется определенными невидимыми силами, и популярных научных представлений о характере этого взаимодействия. Способствовало активному продвижению идей Нью Эйдж также и развитие таких субкультур, как битники и хиппи, возникших как противопоставление традиционного европейского рационализма и европейских же ценностей. В распространении неовосточных и псевдовосточных стилизаций типичной магии и мифологии значительную роль сыграл романтизм, изначально культивировавший идеализированную восточную экзотику, герметические традиции, как правило, возводящие свое происхождение к «Востоку». Если учесть, что для ряда представителей интеллигенции романтизм несколько десятилетий фактически был заменой ортодоксальной религии, то масштабы увлечения неомифологией уже не столь удивляют. Достаточно вспомнить неоромантизм рубежа XIX–XX вв. и посеянные им хаотические религиозные искания, порой откровенно сатанистского толка. Голубой цветок предсказуемо высевает семена культа очередной матери-моржихи. Еще одна предпосылка мифомагического ренессанса — религиозный модернизм с присущей ему деструкцией теологического мышления и креном в субъективизм, а также генетически связанный с модернизмом религиозный плюрализм, вызвавший волну интереса к «восточной мудрости», как правило, впрочем, на очень поверхностном уровне. Модернизм во многом подготовил постмодернистскую борьбу с рациональностью.

Ответом указанных выше субкультур на рациональное «бездушие» стало тяготение к духовному поиску, как правило, — иррациональными средствами. Расцвету такого иррационализма в немалой мере способствовала и «психоделическая революция», связанная с открытием А. Хоффманом диэтиламида лизергиновой кислоты, приведшая к тотальному распространению этого и иных психоделиков (MDMA, псилоцибины и др.), используемых для достижения измененного состояния

сознания — пародийный коррелят прикосновения к Священному, полученный, что очень важно, научно-технологическим путем. Достижение измененного состояния сознания, по мнению адептов этой методологии, способствовало более глубокому иррациональному познанию собственного мира и Универсума. Особенности психоделического действия энтеогенов и психоделиков вызывать особые, невыразимые, «сакральные» и мистические переживания, сравнимые с религиозным опытом, широкое пропагандирование этих веществ как способных раскрыть «двери восприятия» также способствовало их популяризации как средства для «личностного роста». Традиционное использование психоделиков во многих восточных и псевдовосточных культах, сходство ощущений, переживаемых в момент психоделического опыта и в ходе духовных практик (медитаций) — все это привело к тому, что психоделики стали одним из атрибутов для поклонников Нью Эйдж. В довершении всего, сама идея «волшебной таблетки» для понимания сущности мира — приманка чрезвычайно соблазнительная, особенно — для лиц, не тяготеющих к систематическому и строгому научному познанию и аскетичным практикам традиционной ортодоксальной религии.

Ядром мировоззренческой парадигмы движения Нью Эйдж выступает постулат о трансформации сознания человека в космическое, то есть связанное со всем Универсумом, идеи духовного поиска, предполагающие нахождение внутри индивида божественного индивидуального начала и возможность его слияния с Абсолютом⁸.

По данным Н. Л. Гайслера, основами, на которых зиждется мировоззрение Нью Эйдж, являются следующие концепты: безличный бог как сила; вечная и бесконечная вселенная; иллюзорность понятия материи; цикличная природа жизни и логичное следствие — необходимость реинкарнации; идеи об эволюции человека в божество; откровения от неземных существ; тождество человека и бога; необходимость достижения измененных состояний сознания и, в более узком аспекте,

⁸ Пендюрина Л. П. Идеи индийской философской традиции в западной духовной культуре (XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

медитации; использование оккультных практик; холистические подходы в медицине и вегетарианство; пацифизм; стремление к глобальному порядку; синкретизм взглядов⁹. Впрочем, отрицание материи приводит лишь к более эклектичному и интеллектуально невыдержанному материализму. На зависимость между сползанием к вульгарному гилозоизму или дицгенизму и низким образовательным уровнем указал, например, А. Юрченко¹⁰.

С религиозических позиций основные новации, пропагандируемые движением, характеризуются утратой или грубым искажением черт, присущих религии теологического типа. П. Н. Беспаленко указывает, что адепты мифомагических культов сами подчеркивают свое отстранение от традиционных религий, что не мешает им при этом постепенно образовывать организационные псевдоэклезиальные структуры с жесткой дисциплиной, определять свод канонической литературы и требовать полного подчинения духовным лидерам¹¹. Однако такой псевдоморфоз только затрудняет различение религии и мифомагического культа, но никак не влияет на их радикальные различия. Уже упомянутый тотализирующий потенциал не только позволяет окружить магическим влиянием буквально все сферы жизни адептов мифомагизма, но также добиться их сплочения в рамках организационной структуры (группы и т. п.), наладить контроль за циркуляцией финансов и таким образом служить быстрому обогащению лидеров.

В ряде случаев неофиты мифомагизма не удерживаются в жестко организованных группах, но это не мешает им насыщать свой быт самыми разными практиками, используемыми по своему усмотрению, благо примитивная магия не требует, в отличие от духовной жизни, например, православного христианина, сложного и тщательного духовного руководства. Магию можно вполне освоить по примитивным брошюрам, а более сложного уровня магии и эзотерики (чего-то более оригинального, чем денежные жабы, воскурение ароматических палок, вычисление распространения энергии Ци

⁹ Geisler N. L. The New Age Movement // *Bibliotheca Sacra*. 1987. N 144. P. 79.

¹⁰ Юрченко А. К проблеме философской категории «материя» (II) // *Философские и филологические опыты*. М., 1991. С. 95–114.

¹¹ Беспаленко П. Н. Политико-идеологические и социокультурные основания... С. 9.

ВЫПУСК III

и хождение по комнате с рамками) обывателю, по нашим наблюдениям, обычно и не требуется. Благодаря этому магия может существовать, так сказать, на вынос, для индивидуального употребления. Такой магизм с ослабленной организационной составляющей очень распространен. Сознание ньюэйджеров может и не предполагать выраженного коллективизма, социальная аморфность вполне допустима.

На наших глазах формируется целый социорелигиозный тип, который можно описать как «даму с высшим образованием, мечущуюся между чистой чакр и христианским храмом, попутно определяющей с помощью рамки место с хорошей энергетикой». Попытка создать нечто вроде апологетики такого метания приводит к углублению конфликта как с рациональностью научной, так и рациональностью богословской.

Активное проникновение Нью Эйдж практически во все сферы деятельности человека, начиная от бытового увлечения практиками фэн-шуй и заканчивая формированием новых синкретических религий и деструктивных культов, стало возможным благодаря следующим особенностям:

1. Кризис европейской рациональности, о чем подробно мы писали выше.

2. Ситуация неомифологического ренессанса.

3. Поиски «волшебной таблетки» для личностного роста и развития, стремление достичь личного совершенства легким путем.

4. Утрата имеющихся социально-политических мифов (крах идей «просперити» и «американской мечты» в США после Первой мировой войны; крах идей нацизма в середине XX в. в Германии; крах коммунистической системы в конце XX в. в России).

5. Ориентация на индивидов с достаточно низким культурным уровнем и бессистемными научными представлениями; более того, бессистемность в движении воспринимается как что-то самоочевидное, поскольку «все связано со всем»: вовсе необязательно долго и методично заниматься какой-то одной проблемой (что еще пыталось делать старшее поколение адептов эзотерики, вроде той же Е. Блаватской), когда можно все объяснить, обладая знаниями на уровне «Популярной энцикло-

педии для школьников». По словам А. Кураева, любимая пища интеллигенции — «каша в голове»: обилие бессистемных представлений, которые стихийным образом увязываются в индивидуальные мифологические конструкты¹². При этом обладатель такой «каши в голове» не терпит никаких авторитетов, кроме самого себя (в особых случаях авторитетом признается «гуру» из того или иного культа). Особенно же негативно воспринимаются авторитеты церкви или ортодоксальной науки.

6. Потребительская направленность движения. Футурологу А. Тоффлеру принадлежит достаточно точная фраза, описывающая эту особенность — «рынок спиритуальных товаров». Нью Эйдж спекулирует на извечных человеческих потребностях: тяге к здоровью, как физическому, так и психическому, стремлению к самосовершенствованию, стремлению к материальному благополучию; тяге к познанию мира, причем максимально легким путем. Активная спекуляция на сексуальных проблемах и продвижение идей «тантрического секса» сделало эти идеи популярными у многих индивидов из числа сексуально активной части общества. Пропаганда общинного стиля жизни адептов направлена на обретение «новой семьи» взамен старой, традиционной, ценности которой девальвированы. Община с едиными интересами противопоставляется индивидуальному одиночеству, которое может быть для индивида источником проблем.

7. Универсальность. Нью Эйдж за счет своего синкретизма пытается удовлетворить всех: среди адептов и молодежные субкультуры (битники, хиппи), и разочарованные в традиционных религиях, и разоренные предприниматели, и пестрое множество интеллигенции, и домохозяйки, одержимые перестановкой предметов по правилам фэн-шуй, и потерявшие доверие к традиционной медицине, и многие другие.

Вместе с тем, неправомочно называть одной из причин огромной популярности движения плюрализм религиозных и философских идей: идеи подобного рода появились бы в любом случае, поскольку они есть результат крупнейшего цивилизационного сдвига в европейском обществе (на это

¹² Кураев А. В. Сатанизм для интеллигенции. С. 297.

ВЫПУСК III

указывают и зарубежные исследователи (Г. Редден), вступающим в новую фазу общественного развития (постиндустриальная фаза по А. Тоффлеру), и фаза эта — явно не «эра Водолея»¹³.

Коль скоро в нашей статье мы уже начали проводить параллели между Нью Эйдж и постмодернизмом, отметим еще ряд сходств.

1. Эклектичность: как и в постмодернизме, использующем и активно перерабатывающем накопленный не только философский, но — еще шире — культурный опыт; для апологетов Нью Эйдж это также весьма характерно.

2. Полиинтерпретативность. Взятый за основу один текст или чаще корпус текстов, формирует каждый раз совершенно новое учение. Отсутствие догматов превращает любой цитируемый текст в «конструктор», содержание и выводы из такого конструирования целиком зависят от фантазии автора. Вообще же свобода интерпретации — это почти безграничная возможность для каждого адепта самостоятельно сконструировать из предложенных «кусочков» свою собственную картину мира, своего бога и при этом сделать себя пророком. Такое конструирование не только поднимает самооценку адепта на недостижимую высоту (что является тем самым «положительным подкреплением», которое еще более привязывает индивида к своей эклектичной картине мира и к своему учению), но и расценивается как «личностный рост»: ведь если индивиду известно, каков, по его мнению, мир, то дальнейший путь для него видится гораздо яснее.

3. Релятивизм в оценке. Относительность истины (существование которой вообще ставится под сомнение) или использование квантора общности: «все мировые религии ошибались, но наш гуру, используя опыт, накопленный человеческой цивилизацией, определил одну Фундаментальную Истину». Активное использование концепта «инь и ян», взятого из восточных религиозно-философских учений, подкрепленное вульгарным гегельянством («единство и борьба противоположностей»), вообще нивелирует различия между добром и злом.

4. Размывание определений и «языковая игра». Вообще, тексты теософов и эзотериков чрезвычайно туманны.

¹³ Redden G. Religion, cultural studies and New Age socialization of everyday life // European Journal of Cultural Studies. 2011. N 14. P. 649–663.

Как правило, невозможно установить, что тот или иной автор понимает под «чакрой», «тонким телом», «астральной проекцией» и прочими конструктами. Такие языковые игры дают огромные возможности для интерпретации: при помощи логических (а чаще — алогических) построений можно доказать и тезис, и антитезис.

5. Смешение дискурсов и активное цитирование. Зачастую корпус текстов, цитируемых «гуру» Нью Эйдж, содержит разнородные и несоизмеримые работы: здесь как совершенно равноправные могут соседствовать труды Алистера Кроули и Священное Писание, Книга Перемен и тексты Ла Вей. Характерны и ритуалы, производимые адептами: окуривание помещений индуистскими ароматическими палочками с синхронным чтением христианских молитв; пространственное соседство православных икон и «денежных жаб». Такое сочетание несочетаемого наблюдается и в ритуалах альтернативной медицины, когда «очистка чакр», «снятие порчи» сопровождается чтением молитв. Подробные описания ритуалов, базирующихся на смешении традиционных религий и новых религиозных учений, описаны в литературе, и также неоднократно наблюдались авторами¹⁴.

Нью Эйдж призывает активно трансформировать реальность при помощи известных инструментов, среди которых исследователи выделяют следующие¹⁵:

1. Позитивное мышление. Данная концепция активно применяется не только среди деятелей Нью Эйдж, но и среди специалистов по личностному росту и мотивационному развитию личности. Применяющей данную схему субъект путем постоянной настройки себя на оптимистическое и конструктивное настроение (при помощи аффирмаций, визуализаций, медитативных техник, а также активно используя методы нейролингвистического программирования) повышает свое

¹⁴ См.: Григоренко А. Ю. 1) Сон разума рождает чудовищ: Критические очерки о мистике и иррационализме. Л., 1986; 2) Сатана там правит бал: Критические очерки магии. Киев, 1991.

¹⁵ Косорукова Ю., Бедненко Г. Идеология и современная культура Нью Эйдж как кризис пост-христианской цивилизации // Журнал практического психолога. 2013 № 2. С. 132–161.

ВЫПУСК III

качество жизни и удовлетворенность. Негативные аспекты действительности рассматриваются как средство ложных представлений, а неудачи — не только как результат ошибочного восприятия реальности, но и как один из эффективных способов приобретения полезного опыта. Данная концепция достаточно активно критикуется современными психологами как недостаточно действенная, особенно — в долгосрочной перспективе. Вместе с тем, для достижения краткосрочного терапевтического эффекта существуют другие техники, не нуждающиеся в манипуляциях с сознанием. Метод позитивного мышления есть чисто индивидуалистическая парадигма, когда виновником всех страданий и несчастий признается сам субъект, тогда как чисто социальные компоненты данный метод благополучно нивелирует. Очевидно, что у лиц, не склонных к критическому осмыслению реальности (а именно такие индивиды часто и являются адептами того или иного течения в рамках Нью Эйдж), данная техника может приводить к потере контакта с реальностью. Зачастую эта же техника снимает с «гуру» всякую ответственность за манипуляции сознанием: в любом исходе виноват адепт, который «неправильно» практиковал данный метод. В культурах, эксплуатирующих идеи личностного роста, известно огромное количество печальных исходов, в том числе — и по причине дереализации, вызванной использованием данного метода (печально известные проекты «Церкви Сайентологии» или тренинга «Лайфспринг»).

В России логичным продолжением данного метода стало учение о «Трансерфинге реальности» как о курсе обучения позитивному отношению к жизни. В основе трансерфинга лежит идея о мультивариантности мира, в котором события могут происходить в разных ответвлениях пространства; техника же трансерфинга направлена на то, чтобы «переместиться» с одного из вариантов пространства на другой путем концентрации энергии. Этим, по мнению автора (Вадим Зеланд), достигается осознанный контроль над своими действиями и возможность выбирать варианты развития реальности по своему желанию. Согласно учению, каждый человек выбирает свой вариант развития жизни, но у обычных людей

(не адептов учения «трансерфинга») данный выбор происходит непроизвольно. Очевидно, что данное учение вообще выходит «за грани добра и зла»; иначе говоря — отдаляют адепта не только от адекватного восприятия реальности, но и вообще — ведет напрямую к ситуации дереализации. Концепция В. Зеланда, несмотря на активную и жесткую критику не только религиозных, но и светских деятелей, тем не менее, до сих пор имеет свой круг сторонников. При совместном коммунальном существовании или работе в пределах одного коллектива пропагандисты позитивного мышления обычно не только навязчивы, но и столь агрессивны, что насаждение «позитива» превращается в психологический террор.

2. Магический инструментализм косвенным образом пересекается с идеями позитивного мышления и нацелен на использование в качестве магических актов обыденных мыслительных процессов обывателя. «Думать в нужном направлении», делать, не привязываясь к цели, совершать простейшие символические движения в ожидании удачи — вот примеры магического символизма. Магические обряды зачастую индивидуальны, при этом на первом месте (в отличие от классических актов магии) стоит именно ментальная составляющая, тогда как инструментальная подчас вторична. «Главное — не то, что я каждую неделю проглаживаю деньги утюгом, а в том — что я с ними разговариваю и приглашаю их к себе жить», — сказала нам в одной из бесед женщина, склонная к бытовой магии такого рода.

3. Инфантилизация, в которой авторы выделяют инфантилизацию сознания и поведения¹⁶. Превращение сознания в инфантильное достаточно легко достигается ориентацией на чисто гедонистические установки как эквивалент счастья. Типичная детская установка «я счастлив, потому что мне хорошо», вне зависимости от способа достижения этого «хорошо» вместо «...постепенной организации когнитивного пространства в результате выборов и решений внутреннего диалога»¹⁷.

¹⁶ Косорукова Ю., Бедненко Г. Идеология и современная культура... С. 158.

¹⁷ Косорукова Ю., Бедненко Г. Идеология и современная культура... С. 159.

Выпуск III

Превращение поведения в инфантильное достигается как ментальными установками: «не связывай себя обязательствами», «избегай серьезности» и даже — превратными пониманиями Писания («сказано — будьте как дети»); но и чисто процедурными моментами, как то: часто вызываемые на тренингах личностного роста коллективные смех и плач, активное использование в практиках манипуляций с возрастной регрессией, оперирование детским опытом («когда вы были маленькими, ваша мама...»); при этом зачастую (в первую очередь — в деструктивных сектах и культах) осуществляется перенос образа родителей на образ гуру, а инфантильного сознания рядового адепта — на любовь и поклонение новоявленному «отцу» (не случайно во многих сектах активно распространены обращения рядовых адептов друг к другу как «брат», «сестра», а гуру обычно именуется «Отцом» (с заглавной буквы). Инфантилизация у субъектов-носителей указанных черт проявляется и в других сферах жизни, например, в виде чтения фэнтези во вполне зрелом возрасте, занятий ролевыми играми и исторической реконструкцией и т. п.

По данным, опубликованным в средствах массовой информации, россияне ежегодно тратят на магов, колдунов и гадалок более 30 миллиардов долларов. При этом, по данным института социологии РАН, к услугам колдунов регулярно обращаются 67 % россиянок и 4 % россиян. 6 % процентов жителей для достижения поставленных целей периодически практикуют оккультные обряды. При этом доля верующих граждан достигает 93 %¹⁸. Данная ситуация может и должна вызывать опасения как среди деятелей церкви, так и среди ученых.

В консервативных и традиционалистских кругах христианства указанная ситуация точно характеризуется как латентная апостазия. Более старые формы апостазии подразумевали эксплицитное отречение или хотя бы полное прекращение участия в литургической жизни (по нормам церковного права такое самоисключение из обрядовой жизни должно было повлечь констатацию отпадения, именно поэтому в итоге

¹⁸ Россияне за год потратили \$30 миллиардов на гадалок и колдунов: Портал «Вести.ру» [Электронный ресурс], URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1060109> (дата обращения 26.08.2014).

предписывалось лишать таких людей церковного погребения). Современная латентная апостазия не подразумевает ни первого, ни второго. Подобно последовательным модернистам, многие могут читать Символ веры, молчаливо внося при этом существенные поправки в каждое предложение. Принципиального отказа от посещения храма в ситуации современной апостазии тоже не требуется. Возникает параллельное посещение разных религиозных и конфессиональных ритуальных действий, а также практика совмещения частных ритуалов разных религий, когда в одном углу располагается икона, а в другом — очередное псевдovосточное изображение, перед которым зажигают ароматические палки. То, что такие действия совершенно определенно характеризуются как идолопоклонство и являются потому тягчайшим грехом, немедленно радикально искажающими отношения человека и Бога, игнорируется и всерьез не рассматривается, те же, кто пытаются возражать, немедленно шельмуются как ретрограды. В ряде случаев такое классическое идолопоклонство и апостазия подкрепляются примитивной «апологетикой», обычно выдержанной в духе мультикультурализма и свидетельствующей о низком уровне знаний и отсутствии культуры мышления. Очевидно, что латентная апостазия будет встречаться все чаще и чаще, а значит, правомерна постановка вопроса, насколько постхристианский мир, постхристианское общество уже стали реальностью. Встречающиеся представления о «диалектическом подходе» к христианству, предполагающем развитие, изменение и адаптацию к любым социальным условиям, требуют уточнения с учетом той же самой диалектики — в какой момент изменения примут такой характер, что христианство не просто поменяется и адаптируется, но превратится во что-то сущностно иное. Собственно, Нью Эйдж как раз и претендует на занятие того места, той социальной ниши, которая долго была занята христианством (и некоторыми иными религиями, культивирующими теологическое мышление, их подробное рассмотрение здесь затруднительно ввиду ограниченного объема статьи).

Выпуск III

В противостоянии неомифологизму со стороны науки главную ставку следует делать на качественном образовании, однако на деле носителями мифомагизма оказываются не так уж редко те, кто должен выступать в роли просветителя и демифологизатора. Случаи превращения концептуально значимых учебных курсов (вроде «Концепций современного естествознания») в курсы популярной магии авторам приходилось наблюдать на практике. Курс «История науки» в подобном исполнении превращался в воспевание донаучных форм знания — алхимии, ренессансного герметизма и т. д. Студенческую массу понять можно: понять учение о трансмутации легче, чем атомизм Больцмана, учение об изомерии или строение генно-хромосомного аппарата. Есть угроза образования порочного круга, когда масса плохо обученных людей будет требовать именно вульгарно упрощенного знания. Что же касается противоборства неомифологическим синкретическим культурам со стороны религии, то тут важны два момента. Во-первых, интенсивное ползучее распространения мифомагизма может детерминировать институционализацию механизмов контроля религиозных организаций над культурой и сознанием. Во-вторых, плодотворным может оказаться разумное сотрудничество разных конфессий, критически относящихся к мифомагизму и обладающих развитой теологической традицией и, соответственно, теологической рациональностью.

Популярность движения на фоне активизации неомифологического сознания — это не узкая проблема чисто религиоведческого или философского уровня; скорее, тут правомочно говорить о глобальной социокультурной проблеме цивилизационного развития. Давать какие-либо оптимистические прогнозы на предмет того, что из этого эзотерически-магического пастиша получится нечто, могущее составить серьезную мировоззренческую конкуренцию (в плане соответствия картины мира и проработанности основополагающих моментов) классической научной рациональности и религиозной ортодоксальности, на наш взгляд, пока бессмысленно, магия и мифология весьма устойчивы к любым изменениям своих

конститутивных черт. Если использовать университетский фольклор биологов, на кактусах сливы не вырастут.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Авторы: Лебедев Владимир Юрьевич, д. философ. н., профессор, Тверской государственной университет (Тверь); Федоров Алексей Васильевич, ассистент Лаборатории междисциплинарных биосоциологических и биофилософских исследований (Российское философское общество) (Санкт-Петербург)

Электронная почта: Semion.religare@yandex.ru; doctorfedorov100@rambler.ru

Заголовок: Культура Нью Эйдж в контексте научной рациональности и теологической религиозности

Аннотация: Появление большого количества мифологических элементов в культурной системе свидетельствует о формировании известного уровня напряженности. Данному явлению противостоят традиционная наука и теистические религии, основанные на рациональном подходе (в противовес мифологической иррациональности). «Неомифологический ренессанс» второй половины XX в. обусловлен не только особенностями культурной ментальности этой эпохи, но и активным проникновением в европейскую культуру элементов восточной мифологии и эзотерики. Исследуемый в статье феномен движения Нью Эйдж представляет собой обилие различных течений псевдорелигиозно-эзотерического толка, продолжающих и сегодня оказывать большое влияние на европейскую культуру, как светскую, так и религиозную. В статье рассмотрены причины и следствия данного явления, изложены особенности взаимодействия движения Нью Эйдж с научной рациональностью и христианской теологической религиозностью. На обширном фактическом материале показано проникновение элементов движения Нью Эйдж практически во все сферы европейской культуры.

Ключевые слова: неомифология, Нью Эйдж, новые религиозные движения

Источники и литература

1. Geisler N. L. The New Age Movement // Bibliotheca Sacra. 1987. N 144. P. 72–104.
2. Redden G. Religion, cultural studies and New Age sacralization everyday life // European Journal of Cultural Studies. 2011. N 14. P. 649–663.

3. Беспаленко П. Н. Политико-идеологические и социокультурные основания типологии нетрадиционных религий // Известия ТулГУ: Гуманитарные науки. 2009. №1. С. 3–13.
4. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. — СПб.: Питер, 2001. — 254 с.
5. Григоренко А. Ю. Сатана там правит бал: Критические очерки магии. — Киев: Украина, 1991. — 301 с.
6. Григоренко А. Ю. Сон разума рождает чудовищ: Критические очерки о мистике и иррационализме. — Л.: Лениздат, 1986. — 175 с.
7. Корнев С. Трансгрессивная революция [Электронный ресурс] // Humanitarius, URL: <http://humanitarius.com/static/kornev-022.html> (дата обращения: 26.08.2014).
8. Косорукова Ю., Бедненко Г. Идеология и современная культура Нью Эйдж как кризис пост-христианской цивилизации // Журнал практического психолога. 2013 № 2. С. 132–161.
9. Кураев А. В. Сатанизм для интеллигенции: О Рерихах и Православии: В 2 т. Т. 1: Религия без бога. — М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицы Сергиевой Лавры, 2006. — 304 с.
10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Послесл. П. Арискина. — М.: Педагогика-пресс, 1994. — 602 с.
11. Леви-Строс К. Структурная антропология. — Москва: АСТ Астрель, 2011. — 541 с.
12. Пендюрина Л. П. Идеи индийской философской традиции в западной духовной культуре (XIX–XX вв.): Автореф. дис. докт. филос. наук. — Ростов-на-Дону: Южный федеральный ун-т, 2009. — 48 с.
13. Прилуцкий А. М. Семиотика религии. — СПб.: Инкери, 2007. — 100 с.
14. Россияне за год потратили \$30 миллиардов на гадалок и колдунов, URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1060109> (дата обращения 26.08.2014).
15. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века / Изд. 3-е. — М.: Аграф, 2009. — 544 с.
16. Юрченко А. К проблеме философской категории «материя» (II) // Философские и филологические опыты. М.: Книга, 1991. С. 95–114.

DATA ON THE ARTICLE

The authors: Lebedev Vladimir Yur'evich, PhD, professor, the Tver' State University (Tver', Russia); Fedoroff Alexey Vasil'evich, assistant, laboratory multidisciplinary research in biosociology and biophilosophy, Russians Philosophical society (St. Petersburg, Russia)

E-mails: Semion.religare@yandex.ru; doctorfedorov100@rambler.ru

Title: The "New Age" culture in the context of scientific rationality and Christian theological religiosity

Abstract: The emergence of a large number of mythological elements in the cultural system indicates tension within the system; this phenomenon resists traditional science and theistic religion, based on a rational approach (as opposed to mythological irrationality). "New-mythological Renaissance" of the second half of the 20th century was formed due not only to peculiarities of the cultural mentality of this era, but to active penetration of Eastern mythology and esoteric into European culture. The New Age movement is an abundance of different currents of religious-esoteric sense which still has a big impact on European culture, both secular and religious. The article deals with the causes and consequences of this phenomenon and marks out the peculiarities of the interaction of the New Age movement with scientific rationality and Christian theological religiosity. The extensive factual material shows the penetration of elements of the New Age movement in almost all spheres of European culture.

Peculiarities of the interaction of religious and esoteric elements with traditional Christian religiosity are also studied. The popularity of the New Age movement is caused by the characteristics of the basic myths that exist in the mass consciousness. Besides, the article examines the major philosophical paradigms generated by the New Age movement as well as nature of its interaction with religious and scientific rationality.

The research is performed on the basis of the analysis of literature data and the author's field research made by interdisciplinary Laboratory of biosociological and biophilosophy research (Russian philosophical society).

Key words: new-mythological, "new age" culture, new religious movements

REFERENCES

1. Bepalenko P. N. (2009) Politiko-ideologicheskie i sotsiokulturnye osnovaniya tipologii netraditsionnykh religiy [Political-ideological and sociocultural bases of the typology of non-traditional religions], *Proceedings of the Tula State University*, n. 1, pp. 3–13. (in Russian)
2. Behterev V. M. (2001) *Vnushenie i ego rol v obschestvennoy zhizni* [Suggestion and its role in public life], Saint-Petersburg: Piter publ., 2001, 254 p. (in Russian)
3. Geisler N. L. (1987) The New Age Movement, *Bibliotheca Sacra*, n. 144, p. 79.

4. Grigorenko A. Yu. (1991) *Satana tam pravit bal: Kriticheskie ocherki magii* [Satan there reigns: critical essays on magic], Kiev: UkraYina publ., 301 p. (in Russian)
5. Grigorenko A. Yu. (1986) *Son razuma rozhdaet chudovisch: Kriticheskie ocherki o mistike i irratsionalizme* [The sleep of reason produces monsters: critical essays on mysticism and irrationalism], Leningrad: Lenizdat publ., 186 p. (in Russian)
6. Kornev S. *Transgressivnaya revolyutsiya "Humanitarius"* [Transgressive revolution "Humanitarius"], URL: <http://humanitarius.com/static/kornev-022.html> (26.08.2014) (in Russian)
7. Kosorukova Y., Bednenko G. (2013) Ideologiya i sovremennaya kultura Nyu Eydzh kak krizis post-hristianskoy tsivilizatsii [Ideology and modern culture of the New Age as a crisis of the post-Christian civilization], *Zhurnal prakticheskogo psihologa*, n. 2, pp. 132–161. (in Russian)
8. Kuraev A. V. (2006) *Satanizm dlya intelligentsii: o Rerihah i Pravoslavii* [Satanism for intellectuals: On Roerichs and Orthodoxy], Moscow: The Moscow metochion of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra publ., 112 p. (in Russian)
9. Levi-Bryul L. (1994) *Sverh'estestvennoe v pervobyitnom myishlenii* [The supernatural in primitive thinking], Moscow: Pedagogika-Press publ., 602 p. (in Russian)
10. Levi-Stros K. (2011) *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology], Moscow: AST, Astrel publ., 540 p. (in Russian)
11. Pandyurina L. P. (2009) *Idei indiyской filosofskoy traditsii v zapadnoy duhovnoy kul'ture* [Ideas of the Indian philosophical tradition in Western culture], Rostov, The South Federal University, 48 p. (in Russian)
12. Prilutskiy A. M. (2007) *Semiotika religii* [Semiotics of religion], Saint-Petersburg: Inkeri publ., p. 388. (in Russian)
13. Redden G. (2011) Religion, cultural studies and New Age sacralization of everyday life, *European Journal of Cultural Studies*, n. 14(6), pp. 649–663.
14. *Rossiyane za god potratili \$30 milliardov na gadalok i koldunov* [Russians spent \$30 billion this year on mags and fortune-tellers], URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1060109> (26.08.2014). (in Russian)
15. Rudnev V. P. (2009) *Entsiklopedicheskiy slovar' kulturyi XX veka* [Encyclopedic dictionary of the 20th century culture], Moscow: Agraf publ., 544 p. (in Russian)
16. Yurchenko A. (1991) K probleme filosofskoy kategorii "materiya" (II) [To the problem of philosophical categories of matter], *Filosoficheskie i feologicheskie opyityi*, Moscow: Kniga publ., pp. 95–114. (in Russian)